Может быть, он действительно жалел меня, я не мог сказать, но я остро осознавал, что Высшие чины Конохи были теми, кто способствовал уничтожению Учих, и, хотя в теле Саске я был в относительной безопасности на данный момент, я не собирался убаюкиваться фальшивым чувством принадлежности. У меня был дом, мне нужно было только придумать, как вернуться. Чушь собачья - фуиндзюцу - это вещь, не так ли?

"Саске-кун, это Иноичи Яманака", - представил нас Сандайме Хокаге, - "Я бы хотел, чтобы вы двое немного побеседовали, прежде чем тебя выпишут из больницы".

"Я не хочу, чтобы Яманака был у меня в голове". Я быстро сказал: "Как Учиха, я не могу этого допустить". Я вытащил все до последней капли невыносимого ребенка с проблемным эго из воспоминаний о Саске, обнаружив, что отчаянно надеюсь, что вражда между кланами была чем-то в Мире Наруто. Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее...

"Обычно члены моей семьи, предназначенные для психиатрической помощи людям, могут использовать наше семейное фирменное дзюцу, однако, учитывая влияние, которое оказало на вас гендзюцу, мы будем делать это по старинке". Иноичи улыбнулся, как я предположил, ободряюще, и вывел меня из кабинета Хокаге в комнату поменьше, где он сел в кресло, предложив мне вместо этого, по общему признанию, уютный диван.

Как только я сел, я безумно сосредоточился на текущей ситуации: это должно было стать моим испытанием. Если бы моя внезапная реинкарнация была обнаружена, я не сомневался, что в конечном итоге стал бы не более чем экспериментом на столе, вероятно, только после многих пыток и, возможно, с гарниром из изнасилования разума. Мое сердце бешено заколотилось в груди, и я почувствовала, как мой желудок выплеснул кислоту, как будто я съела кирпич.

"Саске-кун... как ты себя чувствуешь?"

Итак, все начинается. Я глубоко вздохнул, прежде чем ответить, зная, что могу только надеяться выдать свою зрелость и отсутствие горя в результате убийственного разгула Итачи в

сочетании с гендзюцу. "Устал". и это было правдой, я был чертовски измотан, я чувствовал себя почти измотанным, ситуация не совсем способствовала сохранению моего рассудка, и, черт возьми, общий риск быть обнаруженным и привязанным к кровати, чтобы подвергнуться массовому допросу, не заставит меня чувствовать себя лучше.

"Потребуется некоторое время, чтобы принять то, что произошло, и лучший способ сделать это - поговорить об этом". успокаивающий голос блондина тщетно пытался успокоить меня: "Итак, я боюсь, что мне нужно будет быть более конкретным, и не бойся, я хочу, чтобы ты знал, что ты в безопасности, и что я не твой враг".

Неправильно. Я сдержал то, что, как я знал, было взрывом истерического смеха, рвущегося из моего живота: "Что вы думаете обо всем этом Яманака-сан?" Я слегка наклонил голову, пытаясь перевернуть карты на своего противника:"

"Мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне, Саске-кун". он мягко сделал мне выговор и слегка нахмурился, когда в ответ получил только пожатие плечами.

"Похоже, это ваша проблема, а не моя". мой взгляд скользнул к единственному окну в приемной, в которое меня привели. С него я мог видеть верхушки деревьев, пересекающиеся со зданиями Конохагакуре-но-Сато, и снова я потерял себя, пытаясь смириться с тем, что произошло.

"Я тебе не враг, Саске-кун". Мое плохо наигранное безразличие заставило Иноичи повторить.

"Вы уже это говорили", - невесело фыркнул я. Как мне заставить себя казаться вменяемым, не напрашиваясь на еще большие подозрения и недосмотр?

"Быть честным со мной означает быть честным и открытым с самим собой, Саске-кун, постарайся на самом деле ответить на мои вопросы".

"Есть ли причина, по которой я должен это сделать?"

"Ну, для начала, вредно игнорировать то, что ты чувствуешь". Иноичи попытался успокоить то, что, по его мнению, было восьмилетним ребенком, жертвой невообразимого ужаса, и ему немного удалось сделать меня менее напряженным, так как я понял, что мое прикрытие было почти нерушимым.

"Я ничего не игнорирую, я просто не обсуждаю это с вами".

"Саске-кун, откройся ради твоей же пользы", - попытался он снова. Понятно, что в Конохе нет университетского курса по детской психологии. Взрыв безрадостного смеха снова угрожал покинуть меня, когда мой взгляд вернулся к блондинке.

"Я бы открылся со своей семьей, к сожалению, я больше не могу этого делать".

Блондин слегка вздрогнул, прежде чем вернуться к той же фразу: "Я не хочу причинять тебе вред, Саске-кун".

"Вам не нужно желать". Я прошипел последнее слово, на мгновение выплеснув свое раздражение и гнев на всю ситуацию, в которую я попал, надеясь, что это приведет к доверию к моему выступлению, и прежде, чем он смог снова перезапустить этот чат, я атаковал: "Почему вы разговариваете со мной?" Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее...

"Потому что я хочу помочь тебе".

"Почему вы хотите мне помочь?" Тогда я настоял на своем, надеясь, что Иноичи воспримет мою конфронтацию за игнорирование его стандартного подхода. В конце концов, любая реакция была лучше, чем пустой фасад, который я поддерживал с Хокаге. Это даже не фасад, какое мне дело до Учих?

"Потому что это моя работа".

"А если бы это не было вашей работой, ты бы не пытался мне помочь?" Я снова наклонил голову к окну, прокручивая в голове сценарии будущего. В Конохе не произошло ничего значимого между резней в Учихе и экзаменами на Чунина, не так ли? У меня было немного времени, чтобы встать на ноги.

Иноичи нахмурился: "Я бы все равно попытался тебе помочь".

"почему?”

"Потому что это правильно", - ответил мой психиатр с мягкой улыбкой, которая согрела его черты. Жаль, что я знаю, что каждый шиноби - массовый убийца.

Лжец. "Что из двух? Помогая мне, потому что это правильно, или потому что, выполняя свою работу, ты можешь смотреть на себя в зеркало с некоторой долей гордости и говорить себе и своей семье, что поступил правильно?"

Я не знал, как это работает в Элементальных Странах, и, учитывая его Родословную, Иночи мог бы с таким же успехом быть лучшим психологом в мире Наруто, но, отправляясь на сеанс психотерапии, ожидая иметь дело с травмированным ребенком, он был совершенно не готов иметь дело со взрослым, неважно, что тот все еще смирялся с тем фактом, что то, что он испытал, на самом деле происходило.

Иноичи нахмурился на мой вопрос: "Это немного несправедливо, не так ли?"

"Значит, вы просто хотите иметь возможность сказать себе, что вы хороший человек". Я преувеличенно кивнул, позволив этому бесконечному, безрадостному смеху сорваться с моих губ: "Вы любили бы себя немного меньше, если бы вам не удалось "помочь мне", и немного больше, если бы вам это удалось, позволив себе еще один день, в который вы можете сказать себе, что вы справедливы и хороши". Я фыркнул, надеясь отвлечь мужчину от холодного пота, покрывавшего мою кожу. Я не был уверен, что такая агрессивность поможет моей ситуации, но я предположил, что это было достаточно разумно, и, учитывая, что я был совершенно взбешен всем этим "погружением в другой мир", я надеялся, что мои реакции будут естественными.

"Ребенок не должен быть таким циничным". Иноичи озабоченно нахмурился, глядя на меня, умело маневрируя в словесном поединке, который я вел.

Не обращая внимания на холодный пот, который прошиб меня при упоминании об отсутствии во мне ребячества, я попытался выразить свою реакцию: "Я перестал быть ребенком со смертью моих родителей, моих двоюродных братьев, всего моего клана".

У Иноичи не было готового ответа на это, тем не менее, он попытался выжать из моей реакции все, что мог: "Почему ты не позволяешь себе горевать о них?"

"Почему вы думаете, что я не горюю?" Я вернулся, чтобы понаблюдать за Конохагакуре-но-

Сато из окна, позволив слегка покачивающимся ветвям немного успокоить меня.

"Ты не плакал с тех пор, как очнулся в больнице, ты не кричишь, ты не бесишься".

"Есть только одна ценность моих криков и моей ярости, Иноичи-сан".

Я перевел взгляд на Яманаку, и мой мозг снова начал бесконечно повторять. Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее... Черт возьми, Итачи хочет, чтобы его убил Саске, не так ли? В конце концов он придет за мной, черт возьми, и Орочимару тоже. "Я устал". Я заговорил, еще раз удивляясь тому факту, что меня еще не пытали, чтобы сказать им, что я какой-то мировой прыгун.

Я поднялся со своего сидячего положения, пытаясь придумать способ оставить ужасно сложный разговор с Яманакой: "Я могу идти? Мне нужно очистить территорию."

"Я бы предпочел, если бы мы еще немного поболтали..."

"Нет". Я оборвал его слова: "Мне больше нечего добавить".

Иноичи, казалось, был раздосадован моей резкой реакцией, но в конце концов согласился: "Мы еще поговорим в ближайшие дни, Саске-кун". И с этими почти угрожающими словами мне удалось, наконец, покинуть комнату.

Думаю, то, что мое заядлое чтение манги, окупится... Я вздохнул, когда АНБУ положил руку

мне на плечо и потащил меня прочь.

В расплывчатые секунды транспортировки я вдруг вспомнил, что и Риннеган-Саске, и Обито могли путешествовать по мирам своими дурацкими глазами. Могу ли я вернуться домой? Вопрос возник у меня в голове без моего согласия, вместе с изображением прыгающего Саске, открывающего порталы Кагуи и Обито, которому удалось сделать то же самое во время финальной битвы.

Непрошеная вспышка надежды вспыхнула в моем сердце. Я не был обречен жить и умирать без причины внутри Элементальных Наций, мне нужно было быть осторожным, но в конце концов я мог использовать эти свои глаза, чтобы выиграть игру: призом будет свобода от безумия, в которое превратилась моя жизнь.

Мне нужно было только начать с убийства Итачи.

http://tl.rulate.ru/book/62622/1646513